

ПЕСНИ СИБИРЯЧКИ

(К 115-летию Таисии Баженовой)

*Мы Родину иконой пронесли...**Ольга Скопиченко*

НА ОГОНЕК ЛАМПАДЫ...

В сентябре 1932-го года по случаю освящения часовни, построенной Г.Д. Гребенщиковым в основанной им русской деревне «Чураевка» в США, он получил множество подарков, приветственных писем, телеграмм и стихотворных посланий. Среди последних было стихотворение Таисии Баженовой «Не о березке...» из Сан-Франциско. Читая его, я глазам своим не верила, судите сами:

Не о березке... Даже не о ней!
Не о горах Алтайских и маралах...
И не о цепи этих дней,
В которых я веселой выростала...

Не о степях и не об Иртыше,
Не о ветрах с клубничным ароматом,
Не о гусях в прибрежном камыше,
И не о том, что нет туда возврата.

Я не об этом с болью говорю...
Хотя в чужой стране, во всем огромном мире, –
Нет ничего, что памятной Сибири,
Которой опьяненная горю...

Но как понять изгнание мое?
Я тоже дочь снегов, лесов, душистой степи!
Но в спину мне направили ружье,
А в уши – те слова, которых нет нелепей.

Та ненависть, в которой смысла нет,
Толкнула нас на мертвый полустанок...
А у меня был чтимый дед,
И бабушка из согринских крестьянок...

Но где бы ни была, мне помнится всегда:
 Когда на Иртыше весенняя вода,
 Черемуха цветет, все так же пред иконой
 Кладет народ тяжелые поклоны
 И кается за прошлые года.

Таисия Баженова

Сибирь, Иртыш, степи, клубника, маралы, Согра¹... Это же всё наше... Кто она, Таисия Баженова? Как попала в Калифорнию, кто ее предки, те самые: «чтимый дед» и «бабушка из согринских крестьянок»? Автор стихотворения не была на открытии часовни и, как писал Гребенщиков, «лишь мысленно тоскующим сердцем» устремлялась «к огоньку». Но именно ее послание с такой непостижимой тоской выразило трагедию изгнания русских.

После прочтения стихотворения в очерке «Огонек лампы» в 5-м томе собрания сочинений Гребенщикова мне не давали покоя мысли об их авторе, о том, что, кроме эмиграции, связывало Баженову с Гребенщиковым, были ли они знакомы на родине и как нашли друг друга в изгнании?

Начался поиск... Выяснилось, что Таисия Анатольевна Баженова, в замужестве Постникова, родом из Зайсана Семипалатинской области², из семьи казачьего полковника. По сведениям Интернета, согласно книге А.А. Хисамутдинова «Русский Сан-Франциско», судя по антологии «Русская поэзия Китая», по надписи на ее надгробье и другим источникам, она родилась 17 мая 1900 года в Зайсане.

Поиск материалов по творческой биографии поэтессы привел меня к юбилейному сборнику «Сибирский казак» (Войсковой Юбилейный Сборник Сибирского Казачьего Войска), вышедшему в Харбине в 1934 году и переизданному в Бийске в 2009-м, который в том же году выслал мне редактор журнала «Бийский вестник» Виктор Васильевич Буланичев. Перечитывая сборник, я, к своему удивлению, нашла там 10 статей об истории казачества, написанных, как мы теперь знаем, отцом Баженовой. В «Сведениях об авторах» написано, что Баженов Анатолий Дмитриевич, мемуарист, общественный деятель, в 1919-м году был редактором войскового еженедельника «Иртыш». Он – автор воспоминаний и публицистических статей по истории Сибирского казачьего войска, Омского кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского полка.

Анатолий Дмитриевич Баженов

¹Согра – в нач. 20 века – поселок вблизи Усть-Каменогорска. Теперь – северо-восточный район города.

²В начале 20 века г. Зайсан был уездным городом Семипалатинской области. Теперь ВКО.

лерийского училища. Баженов – участник Русско-японской и Первой мировой войн, имеет множество наград. Женат на уроженке Семипалатинской области – Евдокии Ивановне, матери четверых его детей. Одна из дочерей – Таисия, – поэтесса русского зарубежья, родилась в Зайсане, в 1900-м году. Это та самая Таисия, о которой идет речь.

ПО БУХТАРМИНСКОМУ КРАЮ...³

На казачьем информационном портале Интернета была найдена замечательная статья Баженовой о ее детском дневнике «Лагерь на Аблакетке⁴», который вела юная Тая в 12-13 лет по совету отца. Авторские комментарии к нему познакомили нас с некоторыми интересными подробностями из жизни казачьей семьи, а также из истории нашего края. Согласно дневнику, Баженов, отслужив положенный срок, «будучи на льготе», два года заведовал несколькими алтайскими станицами. В 1911 году, отправляясь в служебную командировку в Бухтарминский край, на это лето он взял с собой семью, и они две недели путешествовали по Алтаю. Комментарии к дневнику, написанные в Сан-Франциско, полны интересных сведений о жизни, быте, службе казаков этих станиц.

«В Вороньем очень скучно, – пишет девочка-подросток, – папа вел дознание о казаке, который украл у другого штаны и спрятал их под мостом. Потерпевший нашел их, решил подкараулить вора, засел в засаду и заснул, а тот снова украл штаны...» «В Черемушке ночевали. Папа рассказывал, как ездил войсковой наказной атаман, генерал Шмидт. Казаки в Черемушке, не исполнив вовремя приказа о посадке деревьев, накануне прибытия Шмидта взяли да и выкопали свежие березки. Когда он приехал, то, разговаривая, дотронулся до березки, а она возьми, да и упади. Вышел большой скандал...»

Записки Таисии Баженовой – подлинный документ времени, хотя, по ее словам, пока «не отражает всего алтайского настроения: я еще не умею передавать мысли на бумагу. Нужно, чтобы прошло время, и тогда, однажды, ярко вспыхнет в памяти все: и синие долины Алтая, и такие же темно-синие горы со снеговыми верхушками, как белые головы сахара, завернутого в синюю бумагу, и темно-зеленые острые пики кедров и лиственниц; быстрые, пенистые алтайские речки, холодноватый полумрак бора; солнечные цветные поля с нагретой солнцем клубникой, над которой склонились широкими спинами, собирая в ведра, потные, пышущие жаром бабы. Вспомнить и псаломщика на Катон-Карагае, Ивана Николаевича, неотразимого местного кавалера в подряснике, водившего меня и папу в темный сосновый маральник, где темно-серые легкие маралы, с ветвистыми рогами, пугливо и грациозно убегали от нас за бесчисленные загоны. А еще как не вспомнить на площади у церкви выстроившихся для папиного смотра потешных казачат в миниатюрной форме и станичников, к которым для обучения «казачку» тот же Шмидт, вернувшись в Омск, послал балетмейстера кадетского корпуса Бочковского».

Эти воспоминания вспыхнут с новой силой и болью гораздо позднее, на чужбине, и прольются на бумагу уже в рифмованных строчках.

³Бухтарминский край – местность в бассейне реки Бухтармы, притока Иртыша. ВКО.

⁴Аблакетка – река в ВКО, приток Иртыша.

В полях

Широкой волною сгибается рожь,
Шумит у дороги пшеница...
– Ямщик, не гони лошадей, не тревожь,
Куда нам в жару торопиться?

Мы едем в ложбинке сомкнувшихся гор,
С зимовками выше, на склонах,
С густой синевой отдаленных озер
И с домиком белым кордона.

Ямщик мой рассеян: то машет кнутом,
То что-то уныло затынет,
То свистнет удало и сразу потом
Лукаво и искоса взглянет:

«Ишь, нонче какая пришла благодать.
Хлеба уродятся богато...
Не будет народ в этот год голодать
И гибнуть на фронте солдаты...»

Смотри, ажно в пояс... Который-то год
Такого мы ждем урожая...
Что будет в деревне крестьянских забот,
Вот радость-то будет какая?..»

Спускается солнце. Сильней аромат
Левкоев и белой сирени.
Киргизские песни уныло звучат
И сердце истомую греют.

За теми горами – такой же простор,
Все степи, все пашни с хлебами.
Все так же синеют овалы озер
И пахнет степными цветами.

Широкой волною сгибается рожь,
С приветом склонилась пшеница:
– Пусть, Господи, это – не сказка, не ложь.
– Пусть радость в народ возвратится.

А пока... В своих исповедях Таисия описывает великолепную природу наших мест, и свое взросление, и первую длинную черную юбку «из шерстяного вуаля», в которой она казалась себе «почти хорошенькой»... Но нас, конечно же, интересуют прежде всего воспоминания Таисии Баженовой, посвященные ее пребыванию в Усть-Каменогорске.

Все тот же 1911 год... Семья возвращается из дальней поездки по Бухтарминскому краю. *«В Усть-Каменогорске, – пишет Тая, – было все то же. Бабушки радостно выбежали навстречу, Шарик облизал руки, а по вечерам Тая Голубовская, дочь акцизного чиновника, жившего внизу, у дедушки, и я ходили к Иртышу, на «Коровий бульвар».*

ЛАГЕРЬ НА АБЛАКЕТКЕ...

Потом начались военные сборы, и семейство Баженовых перебралось в лагерь на Аблакетку. Отец был назначен командиром сотни, и Баженовы отправляются за 14 верст от Усть-Каменогорска на место сборов. Незначительные, на первый взгляд, детали дневника девочки позволяют нам предположить, где располагался лагерь и как он был устроен. *«...Лагерь состоял из офицерского барака в две квартиры с широкой террасой, гимнастического городка с трапециями и горкой, из кухни, хлебопекарни и зеленого гриба для часового на линейке, за которыми стояли легкие бараки для казаков».*

Тая любила одиночество и часто бродила в горах за Аблакеткой, *«читала запоем Чехова»*, ловила сачком бабочек. Вечерами семейство слушало пение казаков, ужинали на террасе, играли в карты, *«в разлуки»*. Вечером *«степенный вахмистр, остановившись навытяжку в дверях, докладывал, что «за истекший день никаких происшествий не случилось»*. А затем, *переменив тон на хозяйственный и домашний и став «вольно», рассказывал, что Юрченко просится в отпуск – «жена родит не сегодня завтра»*. У Белоусова украдены сапоги...»

Здесь же было и осознание себя взрослой, и ухаживания за Таей молодого человека, заведующего сельхозфермой, что располагалась в версте от лагеря, и серенады в ее честь.

Сборы закончились, Баженовы вернулись в Усть-Каменогорск, начались занятия в Мариинском училище. Таисия *«много читала, писала дневник, учила уроки, даже организовала литературный кружок, ... сортировала коллекцию камней Алтая, жуков и бабочек. Много танцевала со стульями. – Мы жили внизу, в бывшей квартире Голубовских, и стенные зеркала в гостиной отражали пол и всю меня в рост, одиноко и упорно кружащуюся со стулом...»*

ПОСЛЕДНИЕ ВЁСНЫ В РОССИИ...

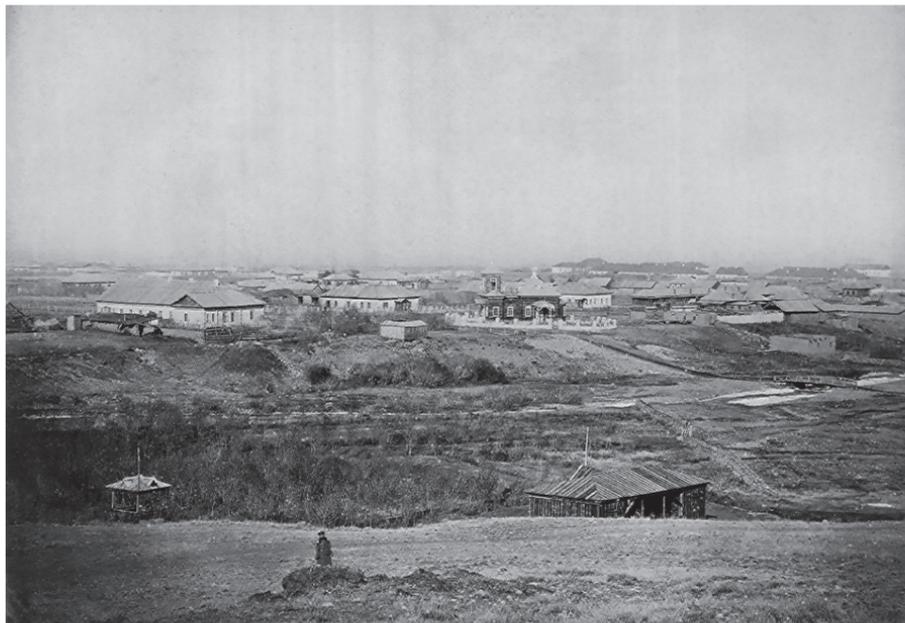
Но беспечная жизнь кончилась. Отец получил назначение в Туркестан, а далее была служба в Омске. В очерке «Весна в революцию», опубликованном в «Вестнике Общества Ветеранов Великой Войны», она описывает поездку на пароходе, когда вместе с матерью, сестрой и кузинами Тая отправилась на каникулы к бабушке и дедушке в Усть-Каменогорск.

Весна 1916 года... Несмотря на тревожные сообщения с фронта, девушка счастлива, все ее радует: и ухаживания молодых людей, и чудесная весенняя природа. Она наслаждается прогулками по палубе, *«мерным звуком колес», пением пленных австрийцев, «прохладой реки» и «запахами медвяных полей»*. Тая с упоением поет *«украинские, казачьи, крестьянские, солдатские песни»* и романсы.

«...Мы выходили на остановках в яркую пеструю и веселую толпу казачек, продававших овощи, ягоды и пироги, мы рвали цветы, когда пароход останавливался для погрузки дров на пустынном берегу. Иногда по вечерам или днем, когда не было публики в салоне первого класса, я пела там итальянские романсы Дэнца и кузина мне аккомпанировала. У окон собиралась публика, раздавались аплодисменты, и мы сконфуженно покидали салон».

Каникулы в Усть-Каменогорске были краткосрочными. Возможно, в последний раз Баженовы навестили родных, посетили знакомых, съездили в гости в Ульбинск... С юнкером Николаевского училища Павликом Толмачевым девушка гуляла по берегам Иртыша, побывала на оперетте «Мотор любви»; время было беспокойным, нужно было возвращаться...

И вновь весна в Омске, но теперь иная, тревожная... *«Весна 1917 года была такая же, как все весны в Омске: теплая, залитая солнечным блеском, пахнущая пылью, черемухой и сиренью. Но Пасха той весны была иной, чем за последние годы войны, – и хотя гудели и переливались церковные колокола, даже у нас,*

Зайсан. Конец XIX – начало XX века

молодежи, было смутно тревожно на душе. Старшие, еще так недавно уверенные и сильные, растерялись и потеряли свой авторитет – кругом все рушилось. Не было Государя, не было главы государства, и оно распадалось. Дни были полны зловещими телеграммами о братаниях на фронте, злобными выкриками на митингах, пакостными памфлетами, порочащими Царскую Фамилию... Но природа праздновала весну, и мы праздновали Пасху», – читаем в том же очерке «Весна в революцию».

ДЕБЮТ В «ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ»...

Несмотря на тяжелое положение в стране, на страх и тревогу за будущее, молодость и талант брали свое... В январе 1918 года юная Тая дебютировала стихами в омской газете «Вечерняя Заря». Много лет спустя, в эмигрантской газете

Сан-Франциско «Русская жизнь», в статье, посвященной 25-летию литературной деятельности Баженовой, рассказывается, как это было: «27 января 1918 года в Омской «Заре» появилось первое стихотворение юной сибирячки, поэтессы Таи Баженовой. Это было то тяжелое время, когда с запада приходили поезда с разбитыми окнами, переполненными дезертирами с фронта, когда боялись показаться на улице ночью, а на рассвете осторожно выглядывали из окон, не лежит ли у дома труп подбитого ночью прохожего, и шли на базар, не зная, что там можно будет купить, кроме замерзшего зайца.

Когда редактору газеты П.В. Вологодскому было передано стихотворение, он отнесся к нему недоверчиво, сомневаясь, чтоб молоденькая девочка с круглыми щечками могла написать что-нибудь подходящее. Но его, как он потом говорил, заинтересовало, что смутное трагическое время не убивает поэтического настроения. Он прочел стихотворение, оно оказалось далеко не плохим и 27 января появилось в газете. Так началась литературная деятельность Таисии Баженовой. Омскую «Зарю» скоро закрыли за статью «Бесы», которую написал приехавший

Алекса́ндро-Невский собор в Усть-Каменогорске.

к тому времени в Омск из Петрограда Г.К. Гинс. Но в мае произошло восстание в Сибири, и жизнь в Омске скоро забила ключом.

В истории Омска это было, вероятно, самое памятное и достопримечательное время. В Омске собрались представители всяких профессий, в том числе и литераторы. Здесь выступали Сергей Ауслендер, Нина Поодгоричани, Язвицкий, Георгий Вяткин, Ярнольдов, читал свои стихи талантливый Маслов. В этой атмосфере развивалось поэтическое дарование молодой писательницы».

Первая публикация очень взволновала впечатлительную Таю: «Это было 14 января (ст.стиля. – О.Т.). Я только что вернулась домой с именин, как мне сообщили, что... в «Вечерней Заре» напечатано мое первое стихотворение. От волнения я опустилась на колени перед кроватью, где лежала газета, и заплакала», – вспоминает Таисия в очерке «Весна в революцию».

В литературной среде Омска популярность юной поэтессы росла. Таисия успешно печаталась в газетах, сотрудничала с журналами «Отечество» и «Иртыш». 6 марта 1919 года в газете «Наша Заря» опубликовано ее стихотворение «Спящий город». Среди оперативных сводок с фронта и неутешительных новостей дня ее стихотворение как весточка из той, мирной жизни, как глоток чистого воздуха...

Спящий город

Город, снегом запушенный,
 Днем шумливым утомленный,
 В сказке ночи утонул.
 Ночь в молчаньи веет думы...
 Тихо-тихо... Смолкли шумы,
 Словно мир навек заснул.
 На лице снежинки тают,
 В волосах твоих сверкают
 И лучами искр горят.
 Улиц тихих, молчаливых,
 Так торжественно красивых, –
 Видишь праздничный наряд?
 Не буди же шаловливо
 Смехом звонким и шумливым –
 Улиц спящий страх! –
 Дай уснуть – за днем уставшим,
 Счастье, может быть, лишь знавшим,
 Только... ночью в снах!
 Пусть хоть в эту ночь метели,
 Что недавно лишь шумели,
 Город избегут... Пусть в нем, –
 Снегом запушенном,
 Тишиною усыпленным, –
 Мысли чистые живут.

К двадцатилетию Таисии, 18 мая 1919 года, газета «Наша Заря» вновь опубликовала ее стихотворение «Последним вечером». Кому же оно посвящено? Может быть, памяти Павлика Толмачева, выпускника Омского кадетского корпуса и юнкера Николаевского кавалерийского училища, с которым она была на каникулах в Усть-Каменогорске: с ним у Таи был роман, а потом горестное расставание в 1917 году. Павлик погиб летом 1918 года в Усть-Каменогорске во время контрреволюционного переворота.

Последним вечером

Я не буду плакать, – я не буду, милый!..
 Я с тобою – только – рядом посижу,
 Пусть в душе исчезли радости и силы –
 Я тебе об этом разве расскажу?

Вечером весенним, сильно утомленной,
Я прижмусь тихонько к твоему плечу...
Ты уедешь завтра, нежный и влюбленный,
Для победы славной – русскому мечу...
Слезы?! – Я не плачу... И совсем их нету...
Где ты видишь каплю, каплю этих слез?..
Если б ты приехал погостить на лето?..
Но какой же детский, глупый мой вопрос!
Будем светлы, солнце! Было счастье – наше, –
И последний вечер этот только – нам! –
Пусть ты будешь ранен, пусть умрешь ты даже,
Я тебя без ропота Родине отдам!

В 1919 году в Омской типографии газеты «Вперед» вышел первый сборник стихов Таисии Баженовой «Песни Сибирячки».

НО КАК ПОНЯТЬ ИЗГНАНИЕ МОЕ?..

Однако скоро российская смута обрекла молодую поэтессу жить на чужбине. В 1920-м Таисия Баженова, вероятно, тогда уже вышедшая замуж за Постникова Александра Степановича, эмигрировала с семьей в Харбин. Но прежде дочери казачьего полковника пришлось испытать и печально известный ледовый поход, и бегство из Омска и Иркутска в Читу, и спешный отъезд во Владивосток вместе с беженцами в составе чехословацкого корпуса. По дороге им пришлось пережить налет партизан на станции Оловянная, и наконец изгнанники прибыли в Маньчжурию, а потом в Харбин.

Итак, Харбин... К началу 20-х годов в Китай устремились остатки армий Колчака, Каппеля, атамана Семенова. В этот период Харбин был благополучным городом, центром Китайско-Восточной железной дороги, связывающим Россию и Европу с Дальним Востоком. Его еще называли Восточным Петербургом и потому, что некоторые улицы носили одинаковые названия: Садовая, Первая линия, Большой проспект, и по размаху культурной жизни. В 20-е годы в Харбине выходило несколько русских газет и журналов, печатавших рассказы и стихи писателей-эмигрантов. Здесь гастролировали известные актеры: Ф. Шалапин, А. Вертинский. И даже своеобразный символ Харбина – Никольский Собор, выстроенный в лучших традициях русского деревянного зодчества, подчеркивал его «русскость».

По количеству пишущих и по числу журналов, альманахов и газет Харбинская колония намного превосходила и русский Берлин, и Прагу, и Париж. Оторванность от родной почвы в Харбине переживалась не столь остро, как в Западной Европе. Харбин был русским университетским городом и вместе с тем многонациональным культурным центром, в котором нашли приют выходцы из Российской империи: поляки, латыши, евреи, грузины, армяне и татары.

Перебравшись в Харбин, Таисия стала корреспондентом газет «Русский голос» и «Заря», а также работала в Обществе изучения Маньчжурского края. Стихи, рецензии, рассказы Баженовой появлялись в журналах «Рубеж», «Русское обозрение», «Дальневосточный синий журнал», «Вал», «Архитектура и жизнь», в

иллюстрированном еженедельнике «Родная нива». В газете «Русский голос» публиковались ее поэмы «Харбинка» и «19-й год». В Харбине Баженова участвовала в литературно-художественном кружке при коммерческом собрании, выступая с чтением своих стихов.

В Харбине, пятнадцать лет спустя, 28 ноября 1935 года умерла ее мать, Евдокия Ивановна. Ей было 55 лет. Где был в это время отец – мы не знаем. Он приехал в Харбин в 1936 году, когда дочь уже была в Сан-Франциско. Полковник Сибирского казачьего войска Анатолий Дмитриевич Баженов был воистину патриотом, боровшимся за освобождение родной земли «от тиранов русского народа». Он писал, что «загипнотизированный несбыточными обещаниями русский народ подчинился инородческой власти», превратившей за небывало короткий срок «прежде великую и богатую Россию» в «страну нищих и рабов».

**Мне все снятся поля белоснежные,
И на них – окровавленный мак...**

О чем же пишет наша соотечественница в изгнании? Главные темы, как и у всех эмигрантов: Россия, чужбина и одиночество. Тоска по родине, то светлая, с ароматом «левкоев и белой сирени», то как боль, вынимающая душу:

Попалась мне под руку карта –
По ней я училась в гимназии.
И вспомнилась старая парта
У карты Европы и Азии.
Тогда я учила названия
Озер, городов и губерний.
И чудились образы давние
В названьях старинных и древних.
Был витязь с картин Васнецова,
И Сергия Лик пречистый,
И славное царство Петрово,
Московский пожар, декабристы.
Вся карта живою вставала,
И я, не видав России, –
От края до края всю знала,
Все тропы ее глухие.
Теперь – те же реки и горы,
И те же поля и просторы...
Но больно вчитаться в названья,
На каждом – кровавое знамя.

МНЕ НЕ ВЕРНУТЬСЯ УЖЕ НАЗАД...

В Харбине Таисия Баженова прожила 7 лет. В 1927 году она перебралась в Сан-Франциско. Путь лежал из Харбина в Америку через Японию. Вот стихотворение, написанное по дороге за океан:

Япония

В старой гостинице скрипят половицы,
А под окном – олеандры в цвету.
Белый хибачи соседки дымится...
Завтра я буду уже в порту.
Мне из окна видны крыши кумирен,
Сосен зеленых плоская тень.
Так вот проходит, созвучно-мирен,
Этот японский осенний день.
С улицы слышен звук самисена,
В грустной мелодии слезы дрожат...
Пусть даже слышат старые стены –
Мне не вернуться уже назад...
Я уезжала веселой, весенней.
Завтра, быть может, на вашем столе
Розы увянут – мой дар последний,
И уж другая станет милей.
Можно ли сердцу сильнее сжаться
В горечи дум, слез и любви?..
Кто теперь нежно согреет пальцы
Похолодевшие мои.

«Сан-Франциско, – писал гастролировавший в Калифорнии Александр Вертинский, – ничего интересного не представляет – все города Америки похожи один на другой. Расположен город так, что открыт всем четырем ветрам океана, поэтому он обдувается со всех сторон. Даже летом там бывает холодно. Русская колония там очень большая... Все служат, все работают на фабриках, в магазинах, в офисах. Работа скучная. Состоятельных людей почти нет... В Сан-Франциско есть небольшой клуб, в котором русские собираются по субботам...»

Живя в Америке, Таисия Баженова продолжала публиковаться в харбинских и шанхайских газетах. В Сан-Франциско она работала в редакции газеты «Русская жизнь», сотрудничала с газетой «Новая заря», где, мы знаем, печатался Г.Д. Гребенщиков. Поэзия Баженовой этого периода пронизана ностальгическими нотами о прошлой жизни. Родина поэтессы ассоциируется с Сибирью, а потому в ее песнях горные ущелья и реки, зимовки и «унылые киргизские песни», и «святой ключ», что под Семипалатинском.

Святой ключ

Будет сниться, как вам, мохнатый
И манящий под солнцем бор,
К Иртышу песчаные скаты,
Богомолки идущих хор.

У ограды – шиповник алый,
Под телегой – старики.

У Святого ключа
под Семипалатинском

За оградой, в часовне малой,
Над толпой, в духоте, огоньки.

У ларьков – пирожки с калачами,
Бабы с квасом, дети, киргиз,
А в беседке сидят с цветами,
В светлых платьях и смотрят вниз.

Бродят нищие, слепые,
С светлой радостью в лице,
И у всех желанья простые –
О безгрешном земном конце.

Две монашенки с грудой иконок
И колечек сидят в уголке,
У молоденькой профиль тонок
И лицо в золотистом пушке.

И от солнечных ярких пятен,
И от свежести в тополях
Голос бабы румяной приятен,
И лукавство в карих глазах.

А в часовнях служат молебны
За недугующих, за живых;
Под часовней – источник целебный,
Вытекающий из-под пихт.

Пахнут жимолость и шиповник,
Свежесть легкая от ручья.
И горит пред иконой паломника
Трехкопеечная свеча.

Будут сниться и мне в Сан-Франциско,
Где под окнами ходит трамвай,
Калачи в узелке с редиской,
Святой Ключ, Иртыш и Алтай.

И спускаясь с фабрики в лифте
С десятого этажа,
Я вспоминаю и солнце, и пихты,
И кривой обломок ножа.

И станет нужным до боли, –
По горячим пескам босой –
Смертный грех свой на богомолье
Понести такой же весной.

В 1935 году Таисия Баженова в журнале «Феникс» опубликовала стихотворение «Русская старушка», в котором с грустью и болью рассказала о горестной судьбе русской эмигрантки в Америке.

Русская старушка

Только у русской старушки такое
В талию старенькое пальтецо.
Шляпа немодного давно покроя,
Ненарумянено совсем лицо.
Сядет в трамвай, посмотрит на лица,
Отведет смущенно взгляд на окно.
Я спрошу о здоровье – вся оживится,
Как будто ждала вопроса давно.
Подъедем к фабрике – бежит в волнении:
– Знаете, все-таки б не опоздать!
Приходит и ждет, опять с нетерпеньем
Смотрит на часики: скоро ли пять?
Солнце и душно. Гудят трамваи,
А женщины тихо и молча шьют.
– У нас ведь в России, и там, в Китае,
Сейчас морозы, не то что тут!..
Пришивает кружево к платьям детским,
В фуфайке, согнувшись, в очках, у окна...
– А дома, – шепчет, – больна невестка,
Опять без меня в постели одна...
– Бабушка, вам бы в теплую горенку
С тихой лампадкой да нянчить внучат!..
– Знаю, что были бы... Да умер сын Боренька,
В Сибири убит он как белый солдат.

ДУША ВСЕГДА НА ЖЕРТВЕННОСТЬ ГОТОВА...

К сожалению, мы располагаем лишь малыми сведениями о жизни Баженовой в Америке. Однако известно, к примеру, что в Калифорнии существовал фонд Таисии Анатольевны Баженовой, а также и то, что, будучи журналисткой, Таисия Анатольевна имела и развивала широкие связи в русских литературных кругах, переписывалась со многими писателями русского зарубежья, среди которых был и Георгий Дмитриевич Гребенщиков.

В США Баженова собирала материалы о русских женщинах, вывезенных американцами в США, изучала быт молокан и русских сектантов на Русской горе в Сан-Франциско. В 1940-м году 11 июля в газете «Новая заря» вышла ее статья «О молоканах в Лос-Анджелесе».

В Сан-Франциско она налаживала связи с русскими эмигрантами, и, в частности, благодаря Казачьему союзу, сформированному в Париже, она узнала о трагической судьбе подруги детства, поэтессы Марии Волковой, уроженки

Усть-Каменогорска, жившей в Германии. Узнав о ее бедственном положении, Таисия оказывала Волковой всяческую помощь. *«Тая страшно обрадовалась, стала часто писать мне, отправляла посылки и подняла тревогу среди казаков в Сан-Франциско. Началась организованная помощь»*, – писала в воспоминаниях Волкова.

Мария Волкова

И вот еще свидетельство Волковой о благотворительности подруги: *«С тех пор, как в Сан-Франциско узнали о моей горемычной жизни, мои земляки стали заботливо охранять меня от нужды. Одна моя землячка, например, регулярнейшим образом каждый месяц снаряжала мне посылку со всевозможными необходимыми вещами, в числе которых всегда было кофе. В Голитинии кофе очень ценилось как любимейший напиток местных жительниц. При помощи этой драгоценности я могла оплачивать частные уроки, что принесло моей девочке большое облегчение в школе»*.

О благотворительной деятельности Таисии Анатольевны мы узнаем также из писем поэтессы-эмигрантки Марианны Колосовой из Харбина и из письма генерала В.Г. Науменко⁵, которые выслал для нас из Барнаула писатель В.А. Суманосов. Четвертого марта 1974 года Науменко пишет: *«...Из писем Марии Вячеславовны (Волковой. – О.Т.) знаю, что Вы чрезвычайно заняты благотворительной деятельностью, но все же осмеливаюсь просить Вас не забывать меня в переписке»*.

В той же статье из газеты «Русская жизнь» 1943 года, где сообщается о 25-летнем юбилее ее творческой деятельности, читаем: *«В США она сотрудничала во всех периодических изданиях западного побережья и участвовала во многих сборниках. Из Таисии Баженовой выработался постепенно заправский газетный работник, владеющий газетной техникой, знающий вкусы и интересы читателя, и трудно представить себе газету без Т.А. Баженовой. «Русской жизни» она оказывает неоценимые услуги, помогая составлению газеты не только в отношении содержания, но и технически при верстке, корректуре и даже наборе. Двадцатипятилетний юбилей литературной деятельности – это обычно момент расцвета ее. Мы не можем не пожелать Таисии Анатольевне лучших условий работы, чем те, в каких ей приходилось трудиться до сих пор, и надеемся, что друзья газеты и Т.А. присоединятся к редакции в устройстве предполагаемого скромного чествования преданной газетной работе и много потрудившейся для русской колонии молодой писательницы»*.

БЕЛЫЙ ШИПОВНИК, ДИКИЙ ШИПОВНИК КРАШЕ САДОВЫХ РОЗ...

Об активной литературной деятельности Таисии Баженовой в Сан-Франциско можно прочесть в статье «История создания газеты «Русская жизнь», в редакции которой она работала: *«Одной из лучших русских журналисток Сан-Франциско была Таисия Баженова, которая регулярно печатала оригинальные интервью и*

⁵Науменко Вячеслав Григорьевич (1883-1979) – генерал-майор, кубанский войсковой атаман.

исторические очерки, например, об исторической русской крепости в Калифорнии – Форте Росс».

О земле, где развивалась широко известная романтическая история любви одного из основателей Российско-Американской компании Н.П. Резанова и дочери коменданта испанской крепости Марии Консепсьон де Аргуэльо, положенной в основу рок-оперы А. Рыбникова «Юнона и Авось», писала и наша землячка Таисия Баженова. Кстати сказать, в Форте Росс была построена первая на североамериканском континенте православная часовня, чтимая до сих пор как русский символ в Калифорнии и объединяющая православных, рассеянных по западному побережью Америки. В стихотворении 40-х годов читаем:

Из-за кустов зеленых дубняка
За бурыми огромными стволами,
Сверкнет с обрыва Русская Река,
Синеющая, яркая под нами.
И сердце вспыхнет памятью о том,
Как плыли здесь индейцы на пирогах,
Как русские пришли, и как они потом
Ходили вот по этим же дорогам.
И красный лес, и красная листва,
И сырость от воды, и пихты – эти были, –
Здесь Севастополь рос, и строилась Москва,
И русские в них люди жили.
И сеяли пшеницу на полях,
Им колокол напоминал о Боге, –
За частоколом сбегались второпях,
Завидев вдруг индейские пироги.
Из-за бойниц палили из ружей,
Боясь за женщин и жалея порох.
Но годы проходили, и уже
Не страшны были русским эти горы...

О разнообразных интересах журналистки и поэтессы свидетельствует и тот факт, что некоторое время Таисия Баженова проживала в Лос-Анджелесе, делая интересные интервью и репортажи со съемочных площадок Голливуда. Кроме того, она публиковала свои стихи в сборнике литературы и искусства «Земля Колумба» (1936), в «Калифорнийском сборнике» (1934), «Вратах» (1935), в нью-йоркском сборнике «Ковчег» (1942). Из произведений периода 1930-х годов следует отметить ее очерки «На сопках Маньчжурии» и «Станция Оловянная» (очерк из времен Гражданской войны), тексты которых нам, к сожалению, пока не доступны.

В 1940-м году к Таисии Баженовой в Сан-Франциско переехал отец. Известно, что Анатолий Дмитриевич в Сан-Франциско руководил группой кадетов-сибиряков. Он также, по рекомендации Марии Волковой, являлся заочным членом «Кружка казаков-литераторов» в Париже. Анатолий Дмитриевич Баженов умер 26 октября 1943 года, похоронен на Сербском кладбище Сан-Франциско.

МОЙ ДОБРЫЙ ГЕНИЙ...

Таисия Анатольевна Баженова ушла из жизни 6 октября 1978 года в Аламеде, Калифорния. «...Отстрадала и ушла моя лучшая подруга – Тая Баженова, моя названная сестра, мой добрый гений...» – читаем в мемуарах Марии Волковой. Она же писала некролог на смерть Таисии Баженовой.

Поиски привели меня к еще одному интересному факту. Фамилия Волковой напомнила мне события из жизни замечательного писателя, ученого и политического деятеля А.Е. Новоселова, который учительствовал в нашем крае и как член Русского Императорского Географического Общества путешествовал по Алтаю, изучая жизнь старообрядцев. Приказ об его аресте и расстреле, вспомнилось мне, дал некто В.И. Волков, получивший от Колчака звание генерал-майора. Уж не дочь ли Мария того Волкова? Оказалось, того самого...

И последнее... Я попыталась узнать, нет ли в Областном Государственном архиве Усть-Каменогорска метрической книги Зайсана за 1900 год, где могла быть сделана запись о рождении Таисии Баженовой. К моей радости, метрическую книгу нашли. В нетерпении, перелистывая ветхие страницы, я была неприятно удивлена: в записях за 1900 год сведений о рождении Баженовой не оказалось.

На мое счастье, в первой части книги были зафиксированы родившиеся годом ранее, и выяснилось, что Таисия Баженова, хоть и значится во всех источниках, как рожденная в 1900 году, родилась того же числа, но в 1899-м. Крестили будущую поэтессу в Александро-Невской церкви 8 мая (*ст. стилия. – О.Т.*). Восприемниками были: брат отца – подъесаул Антон Дмитриевич Баженов и вдова надворного советника Александра Васильевна Сафонова. К сожалению, юбилей Таисии Баженовой прошел в 2014 году, но дата – 1900 год – существовала при ее жизни и отмечалась в эмиграции. Кто знает, почему она соглашалась с ней...

ПОМНИШЬ ТЫ ВСЕ ЭТО? – НУ, ЕЩЕ БЫ!

Жаркент... Весна... аромат жасмина и песни соловья... В далеком изгнании, разбросанном по разным концам света, Таисии Баженовой и Марии Волковой часто вспоминались счастливые дни беззаботного детства. Стихотворение «Идиллия» Марии Волковой, посвященное подруге детства – Тая Баженовой, навеяно воспоминаниями о временах, когда служили в Жаркенте их доблестные отцы, и ничто, кажется, не предвещало российского раскола...

Таисии Баженовой

Сонно бродит – что ей торопиться! –
Средь широких улиц тишина,
И луна молодой белолицей
Смотрит из небесного окна.

Обдаёт эфир своим дыханьем
За день раскаленная земля,
И молчат, подобно изваяньям,
Гордые красавцы-тополя.
Их кольчуги отражают дрожью
Переливы звездного огня.
Ластятся арыки к их подножью,
Серебром рассыпанным звеня.
Одуряющ аромат жасмина.
Вздохи майских роз порой слышны.
Домики, в саду наполовину,
Излучают скромность белизны.
Вот затрепетала чья-то песня,
Полилась, волнуясь, вдоль аллея,
А навстречу ей, еще чудесней,
Загремел, защелкал соловей.
На призыв его с таким же рвением
Зазвучали ближние сады –
И о чем-то дивном и весеннем
Как не помечтать на все лады?
Чуть ступая, медленно и сонно,
Спугнутая, скрылась тишина,
Но внимает сверху благосклонно
Песням и сердцам неугомонным
Томная молодухка – луна...
Помнишь ты все это? – Ну, еще бы!
Тополя... и песни... и сады...
Ах, в том мире не было ни злобы,
Ни смертельной атомной вражды!
До того все было в нем иное,
До того все шло иным путем,
Что и мы, ища себе покоя,
Разве только там его найдем!

Маясия Баженова

ПРОВОДЫ

С тоскою в душе и с улыбкой на лице.

Потанин – Сибири

Идут они, такие юные,
В дорогу трудную и дальнюю...
Во мне – тоска и боль безумные
И жалость – детская, печальная...

Но им не надо этой жалости!
Под солнцем ярким загорелые,
Идут, не чувствуя усталости,
Такие бодрые и смелые.

Царевну русую, прекрасную
От Змей Горыныча спасти идут;
Вот почему они – такие ясные,
И так светло они поют.

Пусть остановятся слезинки бурные;
Зачем тревожить их поход?..
Пусть эти милые, такие юные,
Идут спокойными – вперед, вперед!

СТАРОЖИХА

Сел на рельсы, вытянувши ноги.
Дать тебе бы хлеба с огурцом,
Стал бы ты бродягою с дороги –
Дезертиром, пьяным босяком!

Я – на свист, разгульною бабенкой
На закате ветреного дня
Пробиралась бы в траве сторонкой,
Бусами и песнею звеня.

Поцелую, обовью косою,
Чтобы кровь пожаром залила, –
Любо станет с бабой молодою,
Что от мужа к босяку пришла.

Муж – в очках и в новеньких сапожках –
Будет в праздник книжицу читать,
Выйдет и позовет из сторожки,
А потом отправится искать...

С кузнецами мы в траве высокой,
Притаившись, пугано замрем.
Муж позовет и пройдет далеко,
И очки блеснут на нас огнем.

А потом вернется хмурый-хмурый,
Рыжий ус со злобой теребя,
Сядет на завалинку, где куры,
Будет ждать, сигарку закуря...

А когда падут на травы росы,
Загорятся звезды в небесах,
Я вернусь хмельной и безголосой,
С пылью и соломой в волосах.

Оттаскает за волосы – снова
Убегу назавтра же в закат, –
Где пасутся и мычат коровы,
А на рельсах ждет меня солдат!

«Молва», 19 апреля 1925 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская поэзия Китая. Антология. Вст. ст. В. Перелешина «Все звезды повидав чужие». Интернет.
2. А. Вертинский. Дорогой длинною. – М: Правда, 1990.
3. Забытый полк: страницы истории 3-го Барнаульского полка Белой армии: воспоминания, документы и другие материалы / сост: А.А. Краснощеков, В.А. Суманосов – Барнаул: Издательский дом «Барнаул», 2009.
4. Т.С. Коваленко-Нарочницкая. Дипломная работа «Поэзия русской эмиграции Сан-Франциско 1920-1960 гг.». Москва.
5. Г.В. Мелехов. Белый Харбин. – Электронное издание книги.
6. Простор, № 3, 2001 г. Мария Волкова. Воспоминания. Предисловие, подготовка текста, комментарии М. Ивлева.
7. Т.А. Баженова. Лагерь на Аблакетке. – Казаки Белгородчины. Казачий информационный портал. Администратор Г. Мелехов.
8. Г.Д. Гребенщиков. Собр. соч.: в 6 т. – Барнаул, 1913.
9. А.А. Хисамутдинов. Русский Сан-Франциско. Интернет.
10. Вестник Общества Русских Ветеранов Великой Войны. № 154-155, март-апрель, 1939 г., Сан-Франциско. Из личного архива В.А. Суманосова. Барнаул.
11. Наша Заря (Омск), № 49, 6 марта 1919 г., № 105, 18 мая 1919 г. Омский литературный музей им. Достоевского.
12. Заря (Омск), № 56, 18 августа 1918 г. Омский литературный музей им. Достоевского.
13. Иртыш. Голос Сибирского казачьего войска (Омск), № 38-42, 1918, № 7, 1919. Омский литературный музей им. Достоевского.
14. Единая Россия (Омск), № 2, 1919 г. Омский литературный музей им. Достоевского.

